

Антонина ПИРОЖКОВА

Первые встречи

Я познакомилась с Бабелем летом 1932 года, спустя примерно год после того, как впервые прочла его рассказы. Это знакомство произошло в Москве у Ивана Павловича Иванченко — председателя Востокстали, большого поклонника Бабеля. И Бабель, и я были одновременно приглашены к Иванченко на обед... К обеду Бабель явился с некоторым опозданием и объяснил, что пришел прямо из Кремля, где получил разрешение на поездку к семье во Францию. За обедом Бабель рассказывал, каких трудов стоило ему добиться разрешения на выезд за границу, как долго тянулись хлопоты, а поехать было необходимо, так как его семья жила там почти без средств к существованию, из Москвы же очень трудно было ей помогать... Через несколько дней, когда Иван Павлович уехал в Магнитогорск, Бабель пригласил меня и сестру Иванченко, Анну Павловну, к нему обедать, пообещав нам, что будут вареники с вишневыми... До отъезда Бабеля за границу я еще несколько раз бывала на Николае-Воробинском...<...>

Как-то раз Бабель попросил разрешения зайти ко мне домой. Я уступила его чаем, помню, не очень крепким (а он, как я потом узнала, любил крепчайший), но Бабель выпил чай и промолчал. А потом вдруг говорит: «Можно мне посморгнуть, что находится в вашей сумочке?» Я с крайним удивлением разрешила. «Благодарю вас!», — сказала я, и, страшно интересуясь содержимым дамских сумочек... Он осторожно вынул из сумки все, что было в сумке, рассмотрел и сложил обратно, а письмо, которое я как раз в тот день получила от одного моего сокурсника по институту, оставил. Посмотрел на меня серьезно и сказал: «А это письмо вы не разрешите ли мне прочесть, если, конечно, оно вам не дорого по какой-нибудь особой причине?» «Читайте!», — сказала я. Он внимательно прочел и спросил: «Не могу ли я с вами уговориться?.. Я буду платить вам по одному рублю за каждое письмо, если вы будете давать мне их прочитывать». И все это с совершенно серьезным видом. Тут уже я рассмеялась и сказала, что согласна, а Бабель вытащил рубль и положил на стол.

Бабель рассказывал мне, что большую часть времени живет не в Москве, а в деревне Молоденово, поблизости от дома Горького в Горках. И пригласил меня поехать туда с ним в ближайший выходной день. Он зашел за мной рано утром и повез на Белорусский вокзал. Мы доехали поездом до станции Жаворонки, где нас ждала лошадь, которую Бабель, очевидно, заказал заранее... Он был в очень хорошем настроении и рассказывал мне почему-то историю, как муж вез жену к себе домой после свадьбы и по дороге зарубил лошадь по счету «три», так как по счету «раз» и «два» она его не послушалась. На жену это произвело такое впечатление, что она, как только муж говорил «раз», сразу бросалась исполнять его приказание... Бабель хотел было показать мне все молодецкие достопримечательности, поэтому мы по приезде сразу же отправились на конный завод. Там нам показали жеребят; один из них родился в минувшую ночь и был назван «Вера, вернись», так как жена одного из зоотехников ушла от него к другому... Разговор с зоотехником шел у Бабеля очень специфичный... Обо мне Бабель, как мне казалось, забыл. Наконец, приблизившись, он стал рассказывать о кобылицах. Одна, по его словам, была совершенная истеричка; другая — проститутка; третья давала первоклассных лошадей даже от плохих жеребцов, то есть улучшала породу; четвертая, как правило, ухушала ее...<...>

Незалею до своего отъезда во Францию Бабель уговорил меня переждать во время его отсутствия на Николае-Воробинский. Он боялся, как бы в пустую квартиру кто-нибудь не вселился... Писал из Франции Бабель часто, почти ежедневно, так что за одиннадцать месяцев его отсутствия накопилось очень много писем. Все они были забраны в 1939 году при его аресте и мне не возвращались...<...>

Бабель возвратился из-за границы в сентябре 1933 года. Он приехал один, без семьи.

Минимальное количество слов

Рабочая комната Бабеля служила ему и спальней, она была угловой, с большими окнами. Обстановка этой комнаты состояла из кровати, замененной впоследствии тахтой, платяного шкафа, рабочего стола, возле которого стоял длинный с полужестким сиденьем, двух стульев, маленького столика с выдвижным ящиком и книжных полок. Полки были заказаны Бабелем высотой до потолка и во всю длину стены, на них устанавливались нужные ему и любимые им книги, а наверху он обычно раскладывал бумажные листки с планами рассказов, разными записями и набросками. Эти листки, продолговатые,

шириной 10 и длиной 15–16 сантиметров, он нарезал сам и на них все записывал. Работал он или сидя на диване, часто поджав под себя ноги, или прохаживаясь по комнате. Он ходил из угла в угол с суровой ниткой или тонкой веревочкой в руках, которую все время то наматывал на пальцы, то разматывал... Сидеть с поджатыми под себя ногами он мог часами...

Бабель никогда не имел пишущей машинки и не умел на ней печатать. Писал он пером с чернилами... Рукописи Бабеля хранились в нижнем выдвижном ящике платяного шкафа, и только дневники и записные книжки находились в металлическом, довольно тяжелом ящике с замком. Относительно своих рукописей Бабель залучал меня с самого начала, как только я поселилась в его доме. Он сказал, что я не должна читать написанное им начерно и что он сам мне прочтет, когда это будет готово. И я никогда не нарушала этот запрет. Сейчас я даже жалею об этом. Но проинициальность Бабеля была такова, что мне казалось — он видит все насквозь. Он сам признавался мне, как Горький, смеясь, сказал как-то: «Вы — настоящий соглядатай. Вас в дом впускать страшно»...<...>

До знакомства с Бабелем я читала много, но без разбору, что попадется под руку. Заметив это, он сказал: «Эта никуда не годится, у вас не хватит времени прочитать стоящие книги. Есть примерно сто книг, которые каждый образованный человек должен прочесть обязательно. Я как-нибудь составлю вам список этих книг». И через несколько дней он принес мне этот список. В него вошли древние (греческие и римские) авторы — Гомер, Геродот, Лукреций, Светоний, а также все лучшее из более поздней западноевропейской литературы, начиная с Эразма Роттердамского, Свифта, Рабле, Сервантеса и Костера, вплоть до таких писателей XIX века, как Стендаль, Мериме, Флобер...<...>

Из Киева мы отправились поездом в Одессу... Сняли две комнаты... После завтрака Бабель обычно работал, расхаживая по комнате или по обширному участку вдоль моря. Как-то я спросила его, о чем он все время думает. «Хочу сказать обо всем этом, — и он обвел рукой вокруг, — минимальным количеством слов, да ничего не выходит; иногда же сочиняю в уме целые истории».

Человек рожден для веселья

Доброта Бабеля граничила с катастрофой... Он раздавал свои часы, галстуки, рубашки и говорил: «Если я хочу иметь какие-то вещи, то только для того, чтобы их дарить». Но он мог подарить также и мои вещи. Возвратясь из Франции, он привез мне фотоаппарат. Через несколько месяцев один знакомый кинооператор, уезжая в командировку на Север, с сожалением сказал Бабелю, что у него нет фотоаппарата. Бабель тут же отдал ему мой фотоаппарат, который никогда ко мне уже не вернулся...<...>

Тетя Катя, бывало, приходила к людям, которым Бабель имел неосторожность подарить что-нибудь из мебели, и говорила: «Вы извините, мой племянник — сумасшедший, этот шкаф — наша фамильная вещь, поэтому, пожалуйста, верните ее мне...» Так ей удалось собрать кое-что из раздаренной им семейной обстановки. Кроме того, у Бабеля чрезвычайно легко можно было занять деньги, когда они у него были, чем постоянно пользовались его друзья и просто знакомые. Долгов же Бабелю никто не отдавал.

К Бабелю тянулись разнообразные люди, и не потому только, что он был человеком высокой культуры, великодушным рассказчиком, но и благодаря свойствам его характера. Его обаяние, его шарм действовали неотразимо. Бабель любил жизнь, считал, что человек рождается для веселья и наслаждения жизнью, любил смешные истории и ситуации, сам их придумывал и при этом очень веселился... Однажды за столом, где была его родная тетя, зубной врач, очень серьезная и воспитанная дама, один из гостей рассказывал, что во время революции, скрываясь от преследований, ему приходилось даже ночевать в публичных домах. Бабель вдруг говорит: «Знаю, моя тетя содержала такой дом в Одессе». Что было с тетей!.. Бабель любил разыгрывать людей, сам играл при этом разные роли — то хромого, то скучного, то больного, то ревнивого. Идет со мной гулять по городу и вдруг начинает хромать. Хромает очень разнообразно: то как человек, у которого одна нога короче другой, то как будто нога вывернута, то она волочится... Если играет роль больного, то начинает стонать на разные лады. Я вбегаю в его комнату беспokoенная, а он, постоная при мне еще некоторое время, вдруг рассмеется и скажет: «Я разыгрываю перед вами «еврейские стоны». Играя роль скучного, он не брал в трамвае билета и выпрыгивал на ходу при появлении кондуктора. Мне приходилось выпрыгивать за ним...<...>

«Моя бабушка, — рассказывал он, — была абсолютно уверена в том, что я пропалою наш род, и поэтому отличала меня от сестры. Если, бывало, сестра скажет: «Почему ему можно, а мне нельзя?» — бабушка по-украински ей

в судьбе этой удивительной женщины фантастическим образом отразился весь русский XX век. Она родилась в первом его десятилетии — ничто еще не предвещало ни мировой войны, ни октябрьского переворота. Детство и юность ее прошли в сибирской глуши, на окраине империи. Однако в 30-е годы эта девочка из сибирского села уже проектировала конструкции Московского метрополитена. В Москве произошло и главное событие ее жизни — она встретила одного из самых ярких и талантливых прозаиков советской эпохи Исаака Бабеля, а в 1934 г. стала его женой.

Брак длился недолго — спустя пять лет обезумевшая от крови советская власть расстреляла Бабеля как агента французской и австрийской разведок...

Гибель мужа надвое расщепила жизнь Антонины Николаевны Пирожковой: позади остались краткие годы семейного счастья, впереди предстояли многие десятилетия горя и одиночества. Впрочем, одиночество для нее было понятием условным: она растила дочь, потерявшую отца двух лет от роду, строила железнодорожные туннели, преподавала в вузе, писала учебник. И ни на минуту не позволяла Бабелю отойти в прошлое. Ей было о чем вспомнить. Она совершала с мужем увлекательные поездки по черноморскому побережью и Северному Кавказу, спускалась с ним в шахты Донбасса, колесила по плодородным землям Украины, осваивала топографию и говор бабелевской Одессы. Бабель занимался ее гуманитарным образованием, учил европейским языкам, составлял списки книг для чтения. Он ввел ее в блестящий круг своих друзей — она познакомилась с С. Эйзенштейном, С. Михоэлсом, Н. Эрджаном, Ю. Олешей...

Буду считать, что вы уехали в Одессу Так попрощалась с Исааком Бабелем его жена

отвечала: «Ровня — коня та свинья!» Как-то раз Бабель начал неудержимо смеяться, а затем сквозь смех мне объяснил, что вспомнил, как однажды стащил из дому котлеты и угодил мальчишек во дворе; бабушка, увидев это, выбежала во двор и погналась за мальчишками; ей удалось поймать одного из них, и она начала палашами выковыривать у него котлету изо рта. Рассказ этот мог быть и чистой выдумкой. К тому времени я уже отлично знала, что ради истории я не могу выдержать такой асимметрии и убежала... А так как он ее любил, то и не мог ни на ком жениться»...<...>

Летом 1935 года в Москву впервые приехал из Парижа известный французский писатель Андре Мальро... Втроем — Мальро, Бабель и я — мы смотрели физкультурный парад на Красной площади, с трибуны для иностранных гостей. Недалеко от нас сто-

ял Герберт Уэллс. Со мной был фотоаппарат, и затеялось снять Уэллса. Продвигаясь поближе к нему и смотря в аппарат, я нечаянно наступила на ногу японскому послу и смутилась. Бабель заметил это и, стремясь сгладить мою нелепость, с улыбкой спросил его: «Скажите, правда ли, что у вас в Японии размножаются почкованием?» Тот засмеялся, что-то шутливо ответил, и все было забыто. Мне же Бабель тихо сказал: «Из-за вас у нас могли быть неприятности с японским правительством».

Ближний круг

Бабель часто бывал у А.М. Горького и тогда, когда жил в Молоденово, и когда приходилось ездить туда из Москвы. Но он каждый раз незаметно исчезал, если в доме собралось большое общество и

Ближний круг

Бабель часто бывал у А.М. Горького и тогда, когда жил в Молоденово, и когда приходилось ездить туда из Москвы. Но он каждый раз незаметно исчезал, если в доме собралось большое общество и

приезжали «высокие» гости... Иногда Бабель по несколько дней жил в доме Алексея Максимовича в Горках. Это бывало тогда, когда он выполнял по поручению Горького какую-нибудь работу. В такие дни общение Бабеля с ним было наиболее тесным, и разговоры касались главным образом литературы. Мне запомнилось одно признание Горького, переданное Бабелем: «Сегодня старик вдруг разговорился со мной и сказал: «Написал, старый дурак, одну по-настоящему стоящую вещь — «Рассказ о безответной любви», и никто и не заметил»...<...>

В другой раз, приехав из Горок, Бабель с возмущением рассказывал: «Когда ужинали, вдруг вошел Ягода, сел за стол, посмотрел его и произнес: «Зачем вы эту русскую дрянность пьете? Принеси сюда французские вина!» Я взглянул на Горького, тот только забавлялся по столу пальцами и ничего не сказал»...<...>

Летом 1936 года мы с Бабелем уговорились, что он уедет в Одессу, а потом — в Ялту для работы с Сергеем Михайловичем Эйзенштейном над картиной «Бехин луг», и я в свой декретный отпуск приеду туда... После завтрака Бабель и Эйзенштейн работали над сценарием... Часто они спорили и даже ссорились. После одной из таких довольно бурных сцен я, когда Эйзенштейн ушел, спросила Бабеля, о чем они спорили. «Сергей Михайлович то и дело выходит за рамки действительности. Приходит-ся возвращать его на место», — сказал Бабель. Он объяснил мне, что была придумана сцена: старуха, мать кулака, сидит в избе, в руках у нее большой подсолнух, она вынимает из него семечки, а вместо них вставляет спички, серными головками вверх; кулаки поручили эту работу старухе; подсолнух должен быть поброшен возле бочек с горючим на МТС... «И вот старуха сидит в избе, — продолжает Бабель, — вынимает из подсолнуха семечки, втыкает вместо них головки спичек, а сама поглядывает на иконы. Она понимает, что дело, которое она делает, совсем не божеское и побаивается кары Всевышнего. Эйзенштейн, увлеченный фантазией, говорит: «Вдруг потолок избы раскрывается, разверзается небеса, и бог Саваоф появляется в облаках»...<...> Старуха падает»...<...>

Работа Бабеля с Эйзенштейном над картиной «Бехин луг» началась еще зимой 1935–1936 гг. Сергей Михайлович приходил к нам с утра и уходил после обеда. Работали они в комнате Бабеля, и когда я однажды после ухода Эйзенштейна хотела войти в комнату, Бабель меня не пустил: «Одну минуточку, — сказал он, — я должен уничтожить следы творческого вдохновения Сергея Михайловича». Несколько минут спустя я увидела в комнате Бабеля горящую в печке бумагу, а на столе — газеты с обрывками краями. «Что это значит?» — спросила я. «Видите ли, когда Сергей Михайлович работает, он все время рисует фантастические и не совсем приличные рисунки. Уничтожить их жалко — так это талантливо, но неспристойное их содержание — увы! — не для ваших глаз. Вот и сжигаю»...<...>

Бабель очень любил Соломона Михайловича Михоэлса и дружил с ним... Иногда Михоэлс приходил к нам и пел еврейские народные песни...<...> Бабель научил меня любить еврейский театр, директором и главным актером которого был Михоэлс. Он говорил: «Играют с темпераментом у нас только в двух театрах — еврейском и цыганском».

Бабель часто заходил за мной к конду рабочего дня в Метропроект, и обычно не один, а с кем-нибудь, просматривал нашу стенную газету, а потом смешно комментировал текст. Однажды Бабель зашел за мной вместе с Соломоном Михайловичем, а в стенной газете как раз была помещена статья под заголовком: «Равняйтесь по Пирожковой»... Я закончила работу, и мы втроем отправились куда-то обедать... И двое моих спутников все дорогу бесцельно, повторяя на все лады фразу «Равняйтесь по Пирожковой». Перебивая друг друга, с разными интонациями, они то и дело вставляли в свои речи эти слова...<...>

Писатели, приезжавшие в те годы в Советский Союз, всегда приходили к Бабелю. Однажды у нас обедал Андре Жид, утошали его форелью под белым соусом и русским квасом, приготовленным дома; про этого человека Бабель мне сказал: «Умен, черт, Горький по сравнению с ним кажется сельским священником»...<...>

В апреле 1936 года Бабель ездил к Алексею Максимовичу Горькому в Тессели вместе с Андре Мальро, его братом Ролланом и Михаилом Кольцовым... В этот второй свой приезд в СССР Андре Мальро несколько раз бывал у нас дома. Бабель любил подшутить над ним и называл его по-русски то Андрюшкой, то Андрюхой, а то подвигнет к нему какое-нибудь блюдо, уговаривая: «Лопай, Андрюшка!» Тот же, не понимая по-русски, только улыбался и продолжал говорить... Его интересовало все: и отношение у нас к поэту Пастернаку, и критика музыки Шостаковича, и обсуждение на писательских собраниях вопросов о формализме и реализме. Как-то у нас дома я задала Мальро банальный вопрос: как понравился ему Москва? В

то время в Москве открыли первую линию метро и всем иностранцам ее показывали. Мальро ответил на мой вопрос кратко: «Un peu trop de metro» (многовато метро).

Погружение во тьму

Сначала мы решили поехать на машине в Гагры — там велись съемки картины «Веселые ребята» по сценарию Эрджана и Массы... Мы поехали в Гагры в теплый солнечный день в открытой легкой машине. Было раннее утро. Навстречу нам поехала закрытая черная машина с зарешеченным маленьким окном. Мы обратили на нее внимание, и только. А приехав в Гагры, застали расстроенной всю съемочную группу и узнали, что арестовали Эрджана... Еще в Сочи Бабель говорил мне, что для него особенно приятны две встречи в Гаграх — с Эрджаном и Утесовым. Известие об аресте Эрджана просто ошеломило его... В гостинице «Гатриш» не было свободных номеров. Но маленькая комната Эрджана под лестницей только что освободилась и ее дали мне. Бабель поселился в комнате Утесова. В комнате Эрджана на столике возле кровати еще лежала раскрытая книга и коробка папирос...<...>

Как-то, возвратившись от Горького, Бабель рассказал: «Случайно задержался и остался наедине с Ягодой. Чтобы прервать наступившее тягостное молчание, я спросил его: «Генрих Григорьевич, скажите, как налос себя вести, если попадешь к вам в лапы?» Тот живо ответил: «Все отрицать, какие бы обвинения мы ни предъявляли...» Позже, когда уже при Ежове шли массовые аресты, вспоминая эти слова Ягоды, Бабель говорил: «При Ягоде, при сравнении с теперешним, наверное, было еще гуманное время»...<...>

С 1936 года в Москве проходили процессы над так называемыми «врагами народа», и каждую ночь арестовывали друзей и знакомых... Двери нашего дома не закрывались в то страшное время. К Бабелю приходили жены товарищей и жены незнакомых ему арестованных, их матери и отцы. Просили его хлопотать за своих близких и плакали. Бабель одевался и, согнувшись, шел куда-то, где оставались его бывшие соратники по фронту, увлекаясь на каких-то ответственных постах. Он шел к ним просить или узнавать. Возвращался мрачнее тучи, но пытался найти слова утешения для просящих. Страдал он ужасно...<...>

Арест

15 мая 1939 года меня разбудил стук в дверь моей комнаты. Когда я ее открыла, вошли двое в военной форме, сказав, что они должны осмотреть чердак, так как разыскивают какого-то человека... Один из них заявил, что им нужен Бабель, который может сказать, где этот человек, и что я должна поехать с ними на дачу в Переделкино... Приехав на дачу, я разбудила сторожа и вошла через кухню, они за мной. Перед дверью комнаты Бабеля я остановилась в нерешительности; жестом один из них приказал мне стучать. Я постучала и услышала голос Бабеля: «Кто?» — «Я». Тогда он оделся и открыл дверь. Оттолкнув меня от двери, двое сразу же подошли к Бабелю. «Руки вверх!» — скомандовали они, потом ошупали его карманы и прошли руками по всему телу — нет ли оружия. Бабель молчал. Нам заставили выйти в другую, мою, комнату: мы сели рядом и сидели, держа друг друга за руки. Говорить мы не могли.

Когда кончился обыск в комнате Бабеля, они сложили все рукописи в папки, заставили нас одеться и пойти к машине. Бабель сказал мне: «Не дали закончить». <...> И я поняла, что идет о книге «Новые рассказы». И почти тихо: «Сообщите Андрею». Он имел в виду Андре Мальро.

В машине мы разместились так: на заднем сиденье мы с Бабелем, а рядом с ним — один из них. Другой сел вместе с шофером. «Ужаснее всего, что мать не будет получать моих писем», — проговорил Бабель и надолго замолчал. Я не могла произнести ни слова. Сопровождающего он спросил по дороге: «Что, спать приходится мало?» — да засмеялся. Уже когда подъезжали к Москве, я сказала Бабелю: «Буду вас ждать, буду считать, что вы уехали в Одессу»...<...>

Вместо эпилога

Я пытаюсь восстановить некоторые черты человека, наделенного великой душевной добротой, страстным интересом к людям и чудесным даром их избрания, так как мне выдалось счастье прожить с ним несколько лет.

Бабель был обречен как выдающаяся личность, как писатель, несомненный к сделке с правительством...<...> Писать об этом для меня очень трудно. Горечь утраты не оставляет меня никогда, и мысль о том, что за восемь месяцев в НКВД он должен испытать массу унижений и оскорблений, пытки, а свой последний день пережить как день перед смертью после приговора, разрывает мне сердце.

Предисловие и монтаж
Вадима КОВСКОГО

Главный редактор номера: Юрий СОЛОМОНОВ
Газета зарегистрирована в Мининформпечати
РР 20 августа 1991 г. Рег. № 1054
Общая газета. Перепечатка допускается
по согласованию с редакцией.
ссылка на «ОГ» обязательна
Правовое обслуживание газеты осуществляет
Адвокатское Бюро «Резник, Гагарин и Партнеры» МГКА

Дизайн-макет: Семен ЛЕВИН, Борис МИРОШИН
Арт-директор: Андрей МАЛЬКОВ
Отдел рекламы:
Тел.: 915-75-23, 915-26-06, e-mail: lvov@og.ru
Отдел региональных проектов:
Тел.: 915-78-50, e-mail: deeva@og.ru
Отдел развития: Зоя ВОЛЮЩЕВА
Тел.: 915-70-40, e-mail: pr@og.ru

Верстка компьютерного центра
«Общей газеты»
Технический директор
Валерий МАКАРОВ

С этим знаком, а также в разделе
публикуется пресс-реклама, информация
и коммерческие материалы
Реклама не несет ответственности
за содержание рекламных текстов

Отдел распространения: Александр РЕБРИК. Тел.: 915-53-89
Общий тираж «ОГ» — 215201 экз. (региональный — 152000 экз.)

Цена свободная
Розничное распространение в Московском Метрополитене
Группа компаний «ПБЛИК ПРЕСС»
в С.-Петербурге Московского Метрополитена
ООО «МЕТРОПРЕСС»

Отпечатано в ИД «Медиа-Пресса».
125993, ГСП-3, Москва, А-40, ул. Правды, 24

Номер подписан в печать 17.04.2002 г.
Заказ 1086.

1 2 3

Наш подписной индекс: 32138

Адрес редакции: 109240, Москва, ул. Гончарная, д. 1. Справки по телефону: 915-22-88; факс 915-51-71, e-mail: secretar@og.ru. Электронная версия «ОГ» в Internet: www.og.ru (а также в базах данных www.park.ru; www.nrs.ru; www.integrum.ru; www.russiansstory.com). Адрес «Гостиной «ОГ»»: 121151, Москва, Кутузовский пр., д. 22

Егор ЯКОВЛЕВ — главный редактор. Юрий СОЛОМОНОВ — первый заместитель главного редактора. Анатолий КОСТЮКОВ, Виталий ЯРОШЕВСКИЙ — заместители главного редактора. Елена РЫМКО — заместитель главного редактора, директор по развитию.
Редактор: Дмитрий ДОКУЧАЕВ, Владимир КИСЕЛЕВ, Наталья КЛОЧКО, Игорь НАЙДЕНОВ, Юрий ПАТРИН, Мария СЕДЫХ, Борис ЮНАРОВ. Дирекция выпуска: Елена БОГОМОЛОВА, Евгений СЕМЕНОВ, Светлана КАРТАШЕВА (корректор).
Руководители направлений: Максим ГЛИКИН (политика), Елена КОКУРИНА (наука), Наталья КРАМИНОВА (этика), Илья МЕДОВОЙ (мировоззрение), Ирина ПАНТЕЛЕЙ (город), Марина ТОКАРЕВА (редактор — ОГ — Петербург).
Елена УСОВА (информационное обеспечение), Дмитрий ФИЛИПЧЕНКО (спорт). Обозреватели: Бахтияр АХМЕДХАНОВ, Олег ВЛАДЫКИН, Ирина ДЕМЕНТЬЕВА, Юлия ИГНАТЬЕВА, Виктор ЛИТОВКИН, Ирина ПЕТРОВСКАЯ, Вадим РЕЧКАЛОВ, Юрий РОСТ, Александра САМАРИНА, Юна ЧУПРИНИНА.
Представители за рубежом: Александр АХУНДОВА (Баку), Павел БЫКОВСКИЙ (Минск), Аркадий ГОЛЫШИН (Лондон), Наталья ГОЛЫШИН (Иерусалим), Лариса ДЯЧУК (Киев), Наталья ЛОПАТИНСКАЯ (Вильнюс), Отодор РЮРИКОВ (Прага), Алексей СЛАВИН (Берлин), Армен ТИГРЯНЯ (Ереван), Борис ШЕСТАКОВ (Будапешт). Елена БОГДАНОВА — помощник главного редактора.